

Сергей Цымбаленко
Подросток умер

Сергей Цымбаленко

Подросток умер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28721639

ISBN 9785449021731

Аннотация

Многие психологи считают, что подростковый возрасте человек переживает как смерть, так и новое рождение. Это происходит с главным героем книги.

Содержание

Часть первая. Летать в облаках против ветра	5
1	8
2	18
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Подросток умер

Сергей Цымбаленко

© Сергей Цымбаленко, 2018

ISBN 978-5-4490-2173-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Летать в облаках против ветра

– Эй, Рамиль! Или как тебя? Рахиль! Что там тебе мамочка привезла?

Мальчишку на самом деле звали Равиль. Степчик и Михась выхватили у него коробку с гостинцами и стали всем раздавать, приговаривая:

– Мамочка тебя не учила, что надо делиться? Ах, как нехорошо.

Равиль был нежный и застенчивый как девочка. Но объектом для насмешек он стал не из-за этого. Нашему отряду поменяли водителя. Вместо спортивного и веселого Андрея Ивановича подсунули студентку, которая не справля-

лась со старшим отрядом. Она была вполне симпатичная, косы красиво уложены, как у дамы, но мы все равно ее возненавидели. И заодно Равиля, про которого она сказала:

– Его семья недавно переехала в наш город. Думаю, вы станете ему друзьями, поможете приспособиться к жизни.

– Ага, поможем! – с угрозой сказал крепыш Михась.

Все засмеялись. И с этого момента весь отряд жил придумыванием издевок над Равилем. Тем более, что невыносимо было смотреть, как первый отряд под руководством Андрея Ивановича проводит туристские соревнования, играет в футбол и часто смеется над его шутками. А мы изнывали от скуки и смеялись только над Равилем.

Видя это, вожатая Татьяна Степановна (ее прозвали Степанидой) решила поговорить со мной как с положительным, на ее взгляд, мальчиком. Она просила повлиять на ребят и закончила словами:

– Надеюсь, этот разговор останется между нами.

Если бы она только знала, что для меня пойти против всех – самое страшное. Я старательно изучал повадки ребят в школе и во дворе, чтобы не быть белой вороной, как Равиль, не отличаться. После разговора со Степанидой я выскочил из палаты на улицу, где меня ждали пацаны, стал взахлеб пересказывать разговор. Поднял голову – и увидел в окне грустную Степаниду.

В наказание за плохое поведение нас не взяли в общелагерный поход с ночевкой.

В тот день плачущего Равиля привели к крапиве у забора, заставили раздеться и лезть в жгучие заросли.

Это была подлость. И я был подлец. Даже сейчас при воспоминании об этом горит лицо.

Я тогда сделал открытие: если записать мучащую тебя историю, то боль проходит. Исписанные случайные листочки я стал рассовывать в ящики письменного стола. Можно было, конечно, просто рвать их на клочки и выбрасывать, но я опасался: вдруг тогда не будет спасительного эффекта.

Спустя много лет я достал обувную коробку, перевязанную бельевой веревкой, куда однажды перекочевали записки, и решил их перечитать.

Что я могу в этой жизни? Каждое утро плестись в школу, как велят взрослые. Ходить в кино, если мать даст денег. Что еще? Вокруг много дорог, которые ведут в неизвестность, но на них расставлены таблички: «Нельзя. Не дорос еще». Я бешусь от беспомощности, но плетусь по разрешенному пути, смиренно опустив голову.

– Ты, конечно, не против сходить к тете Марине и дяде Коле? Они все время вспоминают о тебе.

Их сын погиб в детском возрасте. Жалко, конечно, но тягостно приходить в квартиру, где книжки, игры, одежда напоминают о том, кого нет. Для них время остановилось. Мы пьем чай с пирожками, приготовленными тетей Мариной, и играем с дядей Колей в шахматы. Говорят, в шахматах проявляется характер. У меня не хватает терпения, чтобы долго продумывать ходы, я импровизирую. Из-за этого дядя Коля легко обыгрывал меня и жертвовал фигурой, чтобы уравнивать шансы. Сейчас я его обыгрываю. Старость. Дядя Коля растерянно смотрит на доску: неужели мат? Мама просит, чтобы я поддавался, не огорчал старика. С шифоньера следит за мной кот Базилио. Это я так прозвал его за огромный размер, вообще-то он Фунтик. Кот предан своим хозяевам и готов защищать их, как собака. Сделаешь неосторожное движение, он начинает шипеть и изгибать спину к атаке.

Несмотря на почтенный возраст, кот лихо прыгает со шкафа на плечи дяде Коле, когда тот командует: «Фунтик!» Дядя Коля не устает из года в год показывать этот фокус. Когда старики умрут, Базилио, наверняка, сядет на их могилу и превратится в памятник.

Я с тревогой думаю о том, что и мне придется повзрослеть, затем постареть. Трудно представить, как это произойдет. Кажется, есть два мира: взрослые и дети с невидимой границей. Переступил – и стал дяденькой, можешь сам определять свою судьбу.

Пока первый и единственный самостоятельный поступок – переход в другую школу, в класс с математическим уклоном. Я сам нашел ее, договорился о переводе, хотя директор бывшей школы не хотел отдавать документы. Он звонил и возмущался, что переманивают лучших учеников, будущих медалистов.

Дорога в новую школу занимает тридцать минут, но я преодолеваю это расстояние быстрее, чем прежние пять минут. Это мое открытие: радостная дорога короче грустной. Я решительно распрощался с прошлым, как судно очищается после долгого пути от наростов, которые тянут вниз и мешают плыть. Будь моя воля, я бы почаще менял жизнь, как старую одежду.

Я куколка. Я гусеница.

Я бабочка. Не то. Не то.

Одно лицо, и разны лица.

Я три лица, и я никто.

Я точка. Нить. Черта. Яичко.

Я семечко. Я мысль. Зерно...

Это Бальмонт. Вроде они с Блоком были соперники., а сейчас стоят рядом на библиотечной полке. Я искал Блока, которым просто болею, открыл наугад Бальмонта и нашел эти строки. Надо собрать книгу про состояние перехода в нашем возрасте, чтобы легче преодолевать мучительное состояние гусеницы и куколки, готовиться взлететь.

Я читаю запоем все подряд. Это старомодная болезнь прошлого века. Вроде чумы, от которой человечество излечилось. От чтения тоже, а я заразился. Обнаружив первые признаки книжной болезни, мама привела меня в библиотеку. Доброжелательная тетенька подвела к полке, где стояли книги для дошкольников. Увидев тонкие книжонки с картинками, я оскорбился и чуть не заплакал.

Мама объяснила:

– Это он давно прочитал. Нельзя ли повзрослее.

Так я получил право выбора. Теперь я знаю, что такое счастье.

Самым страшным наказанием для меня тогда был мамин запрет читать целый день. Пострашнее угрозы: «Не пойдешь играть в футбол». Правда, мама от этого наказания скоро отказалась. Я запирался в ванную комнату, якобы помыться,

включал воду и доставал припрятанную книгу. Под шум воды читать было еще лучше, будто плывешь на корабле. Прознав причину моей «чистоплотности», мама стала придумывать другие наказания.

Из-за книг я полюбил болеть. За какую-нибудь неделю, лежа в постели, мог прочитать шесть томов Антона Павловича и открыть, что он не только смешные рассказы писал, но и серьезные повести, например «Дуэль». Потрясла она меня верой в то, что даже самый никудышный человек может переродиться. Значит, и я не безнадежен. Главный герой мне был гораздо симпатичнее праведника доктора.

Еще я сделал открытие, что герои книг могут быть друзьями не хуже настоящих, которых у меня нет. Кроме Димона. А литературных сколько хочешь: Сережа из «Судьбы барабанщика» Гайдара, мальчик из «Последнего дюйма» Олдриджа, Овод из повести Войнич, Данко Горького, грустный Фонарщик из «Маленького принца» Экзюпери,.. В общем много.

В недалеком прошлом, в старой школе осталось неприятное прозвище «Монашка». Это из-за того, что я не матерился и морщился, когда при мне через слово умудрялись вставлять бранные слова. Все дело в моем воображении: оно рисовало соответствующие матерному выражению картины, где извращенный секс, надругательство над матерями. Может быть и название «мат» происходит от «матери»? Особенно мерзко это слышать от какого-нибудь малька лет девяти.

ти. Если бы не мое сопротивление злу насилием, напинал бы ему. В новом классе почти не матерятся. Если только сгоряча или по необходимости.

А мир светлячков нахлынет,
И прошлое в нем потонет...

Это Лорка. Федерико Гарсиа. Что-то у меня поэтическое настроение. Не к добру.

Уходит в прошлое мой бывший одноклассник и друг Димон. Мать пристроила его в колледж, где делают мебель. Ему понравилось. Он уже починил у нас дома стулья, которые шатались всю жизнь, но их не выбрасывали. Может, я сделал ошибку, что не пошел в химико-технологический? Может, прав отец – нужно быть практичным? Это – граница детства и взрослости?

В детстве – мучительное бессилие, когда я подтягивал Димона по математике накануне экзамена. Он – тупой. Я по сто раз объяснял простейшие основы тригонометрии.

– Понял?

– Нет.

Довел приятеля до слез. Это так противно – видеть мутные слезы у парня. Но и мне было не легче.

Димон получил тройку на выпускном экзамене, и я был счастлив, по-моему, больше, чем он.

Мой приятель был еще знаменателен тем, что его все время останавливала милиция. За лохматые волосы, цепочки на штанах и куртке, за потрясающую независимость. За «а че» в ответ на вопросы и замечания. Про таких взрослые говорят: «Он ведет себя вызывающе». Я так не могу. Мне бы притаиться, чтобы меня не трогали. Так вот, увидев Димона, патрульная машина всегда останавливалась. Говорить о законах с их защитниками бесполезно, нарвешься на неприятности. В лучшем случае задержат, а то дадут по голове, как прежнему однокласснику Ваньке. Он долго отходил и стал неестественно добродушным с тех пор. Димона спасала моя мирная тактика и положительный вид. Но если меня не было рядом, он оказывался в милиции. Матери приходилось его вытаскивать, бросая все дела. Она боялась за судьбу строптивного сыночка.

Уход от драк методом заговаривания зубов я открыл довольно рано. Шел как-то поздно вечером к дому через пустырь, чтобы сократить путь. Вдруг выдвинулась тень. Парень чуть постарше попросил закурить, а у меня не было. «Не курю» его не устроило. Он стал нарываться на конфликт, распаляя себя для драки. Я наивно, как бы не понимая, куда он клонит, дружелюбно поддерживал разговор. Перешли на звезды – это мой конек. Под рассуждения о том, что, может быть, видимые галактики уже не существуют, ведь свет от них идет к нам миллионы лет, парень довел меня до дома и на прощание сказал.

– У тебя «Б», а я в «Г» живу, меня все знают. Я – Аксакал. Обращайся если что.

Он крепко пожал руку на прощание.

Я считаю это не трусостью, а уходом от бессмысленности и унизительности драк. Однажды я попробовал, когда завязалась коллективная драка во дворе. Почему-то она продолжалась долго, наверное, из-за того, что мы не били друг друга по морде, а боролись, кто кого. Стало темнеть, я не заметил в пылу, что все разошлись. Мы продолжали барахтаться с парнем по прозвищу «Бомба». Когда заметили, что вокруг никого, сели в оторопении.

– Ты чего со мной сцепился?

– Не знаю. Сказали «бей их» – я и бил.

Засмеялись. Лень было вставать. Охватила усталость от долгой борьбы. Звездное полотно развернулось над нами. Красиво. В каждой точке – бесконечность, миллиарды звезд, мы по сравнению с ней даже не букашки, а вообще ничто.

Открылась бездна, звезд полна.

Звездам нет счета, бездне – дна.

Кажется, так у Ломоносова. Интересно, с каких времен мальчишки стали смотреть на звезды? Может, это было всегда? А с возрастом у большинства проходит?

Смуглое круглое лицо Бомбы показалось вполне дружеским.

– Тебя как зовут по-настоящему? – спросил я.

– Витя.

Наша дружба продолжалась недолго, разные миры развели нас, но это не важно. На свете стало немного меньше вражды.

В старой школе не раз возникали поводы для мордобоя. К примеру, слышался клич: «Новичок дерется!» Сбегались пацаны разного возраста и накидывались на парня, которого злая судьба занесла в наше образовательное заведение. Много желающих безнаказанно потренироваться на живой «груше». Пока появится кто-то из учителей, у новичка кровь уже хлещет из носа. Одноклассники миролюбиво объясняют: «Зато больше не тронут. Ты теперь свой». Я не бил, хотя поначалу хотелось перестать «быть слабаком», отличаться от других.

Полудрака была с огромным и толстым одноклассником Валеркой, но это совсем в детстве. Его дразнили и задевали. Однажды он расвирепел как бык на корриде и выбрал в жертву почему-то меня, хотя я в травле не участвовал. Он ударил меня кулаком в щеку. Все сгрудилось в ожидании спектакля – поединка гнома с великаном. Это было унижительно вдвойне – оказаться гладиатором на школьной арене. Я не ударил, ушел неотомщенным.

Один раз я был на стороне того, кто может ударить в решительную минуту. Это был Никита, мой бывший одноклассник. До четырнадцати лет он был ничем не приме-

чателен, пока не столкнулся с Жанной. Противней девчонку трудно себя представить. Прыщавая, неуклюжая, она самоутверждалась тем, что придиралась и к одноклассникам, и к парням. В тот день Жанка стала говорить гадости про Ксюшу. Ее бойфренд Костян молчал, зная, чем может закончиться заступничество. Неожиданно выступил Никита:

– Может, хватит Жанна.

Вот и все, что сказал. Эта кикимора так разозлилась, что плюнула Никите в лицо. Он вытерся рукавом, сказал:

– Какая же ты гадина.

И дал ей в лоб.

Жанка пролетела не меньше метра и села, растерянно осматриваясь по сторонам. Потом она взревела и побежала звонить мамаше-предпринимательнице. Та примчалась на иномарке, похожей на танк, потащила дочурку к директору. Скоро стало известно, что она угрожает всех засудить, если родители Никиты не заплатят за оскорбление двести тысяч рублей. Папа у Никиты хоть и военный, но очень мирный человек, был готов уступить. Мама, невысоко роста, чуть полноватая, оказалась более боевой, она встала на сторону сына и платить отказалась.

Приехала инспектор по делам несовершеннолетних в милицейской форме. К чести класса, все встали на сторону Никиты и говорили, какая Жанка непорядочная, это она оскорбила Никиту. Инспектор грозила всех поставить на учет в милицию, но поскольку четырнадцать исполнилось только

Никите, сосредоточилась на нем. Учителя уговаривали его родителей пойти на компромисс, но Никита пригрозил, что уйдет из дома. До суда не дошло, но парня поставили на учет как представляющего опасность для общества.

Я до сих пор восхищаюсь Никитой, хотя сам бы так не смог. Наверное, утерся и сказал, хотя тогда еще не читал Достоевского: «Вам когда-нибудь будет стыдно, Жанна». Черта с два ей станет стыдно!

Еду на автобусе по окраине города. С болота вспорхнула утка и полетела за нами. Наверное, она приняла автобус за птицу и решила посоревноваться, отчаянно махая крыльями. «Дура, устанешь же, пари в воздухе», – мысленно посоветовал я. Спыхватился. Совсем спятил, утку учу летать, а сам едва вылупился из защитной скорлупы детства. Долго долбил ее, вылез наружу – нелепый, беспомощный. «Эй, люди, я хочу быть нужным! Любимым». Молчание. У всех свои заботы. Обратно в скорлупу не залезешь. И нет сил, чтобы взмахнуть крыльями и полететь.

Как хорошо я жил до тринадцати лет. Вместо подружки – футбольный мяч. Это увлечение было на втором месте после книг. Даже сейчас при воспоминании о мяче я испытываю радость, как от встречи с товарищем. Я мог гонять мяч целыми днями – это была территория свободы и беззаботности. Забить гол – высшее счастье. Если не собиралась команда, я вытаскивал Димона, чтобы постоял за вратаря. Не было его – один бил в ворота, воображая полный стадион игроков и зрителей. Играл до изнеможения. Приходил домой – и валился в постель в обнимку с мячом. Никаких сигарет, выпивки, девчонок не надо.

Отец пытался направить мою страсть в привычное русло – отвел в секцию. Я выдержал чуть больше недели. Мне хотелось играть, а не тренироваться. Достижения в будущем совершенно не грели.

Все закончилось само собой. В тринадцать лет я поехал в летний лагерь вместе с Димоном. Там тоже был футбол, но еще на меня стали обращать внимание девчонки. Я случайно подслушал, как они обсуждали парней из отряда:

– Димочка симпатичный, но у него футбольные ноги. А вот Алеша – это радость, а не мальчик.

Алеша – это я. Как после этого устоять? Я по голосу не узнал, кто так высоко оценил меня, поэтому с открытой

улыбкой встречал взгляды всех девчонок. К концу смены три из них считались моими подружками. Одна написала огромное письмо – на трех листах, рассказывая, как страдает из-за того, что не может каждый день, как в лагере, видеть меня. Я все откладывал с ответом, а потом решил, что поздно. Вдруг она уже не может жить без кого-нибудь другого и пишет ему длинные послания.

Любовные похождения продолжились, благодаря однокласснику Валерке. Черноволосый, с пробивающимися усами, он нравился девчонкам, несмотря на сутулость, почти горб. В подруги он выбрал круглолицую и радостную Олю из параллельного класса, а мне, за компанию, посоветовал обратить внимание на ее подругу Ларису. Пришлось часами простаивать в подъезде и поддерживая разговоры ни о чем. Это называлось свиданием. Мне хотелось чего-то большего. Я все время удивлялся, почему мы должны стоять на лестнице. Неужели родители не могут пригласить нас в дом, напоить чаем. Моя мама наверняка бы так поступила. И Валеркина тоже. Она нам даже умеренную выпивку на днях рождения разрешала: «Лучше дома, чем где-нибудь в подворотне».

Наконец, Ольга однажды объявила, перейдя на шепот, что завтра у нее никого не будет. Валерка предложил устроить вечеринку с вином.

Я перерыл в доме все ящики. Мама испуганно спросила: – Что случилось?

– Где мои чистые трусы?

Мама нервно засмеялась, потом сказала строго:

– Ты все время твердишь, что уже взрослый. А взрослые мальчишки сами следят за своим нижним бельем.

Пришлось доставать трусы из грязного тряпья. Мне хотелось белые, хлопчатобумажные. Я постирал их хозяйственным мылом и просушил утюгом. Натянул полусырые, ощущение не из приятных.

Я боялся опозориться с трусами, так как мы с Валеркой надеялись на что-то вроде секса. За остальное я не волновался. К четырнадцати годам я во всех книжках перечитал соответствующие сцены. У Мопассана, о котором девочки говорят, закатывая глаза, на самом деле ничего особенного, преобладают описания раздеваний баб с невероятным количеством одежды. Самое полезное – «Тысяча и одна ночь», конечно, не детское издание, а многотомное, без сокращений. Я начал его читать на даче у родственников, приняв просто за сказки. Огромный набор способов секса меня поразил. Самое забавное, это как мужика заставили бегать, потому что его орудие не хотело готовиться к бою. А он провалился куда-то и оказался голым на улице.

Ничего особенного на нашей вечеринке не произошло. Пока решались, тянули с началом, раньше времени пришла мать Ольги, устроила скандал, увидев нас и бутылку из-под вина.

А с сексом надо что-то решать. Трудно отмалчиваться, ко-

гда рассказывают, кто, кого и сколько. Так получается, что почему-то не нравятся те девчонки, которым нравишься ты. Вот Лариса. Молча смотрит влюбленными глазами, когда я рядом. И на все была готова на той вечеринке, я чувствовал. Но когда любовь легко достается, не дорожишь ею. Тянет на подвиги, ждешь даму сердца, завоеванную в трудной битве. Правда, с красивыми девчонками скучно. Интересно с толстухой-соседкой Светкой, но это за любовь не считается. Мы с ней обсуждаем книги, всяческие ситуации. Надо с кем-то гулять по-настоящему, с долгими поцелуями. Иначе прослывешь голубым. Мне по большому счету все равно, кто кого любит. Но об этом нельзя говорить вслух даже близкому другу. Не отмоешься.

Я недавно был в Москве у родственников. Не понравилось метро, может, из-за замкнутости пространства. Неприятно, когда в любой момент нельзя выйти. Я старался бродяжничать пешком, в крайнем случае – на неторопливом троллейбусе. Пути-дороги привели к памятнику Пушкину. Я присел на скамейку отдохнуть. Подсел молодой мужик, с толстыми ляжками.

– Ты из Москвы?.. Нет? Значит из Киева?

– Почему из Киева?

– В Москве и в Киеве самые симпатичные мальчики.

Я начал догадываться, что он клеится ко мне, но не знал, какую выбрать тактику, чтобы отвязался.

– Пойдем в гости, я тут недалеко живу. Ты ведь понима-

еешь меня?

Я решил прикинуться наивным простачком.

– Нет, не понимаю... У нас тут сбор группы, сейчас руководитель подойдет. Я не могу.

– Ну, как знаешь.

Мужик, косолапя, пошел прочь. Страх прошел. Осталась презрительная жалость.

Я понял, что наступает возраст, когда в тебе зреет любовь. Она переполняет, и ты готов ею поделиться со многими. Я недолго был влюблен в продавщицу книжного магазина. Ее чуть округлое лицо с гладко зачесанными назад волосами было всегда приветливо, во всяком случае, ко мне. Я часто интересовался новинками, вступал в разговор. Но однажды я зашел в магазин, а она, не обратив внимания, грызла семечки. Это настолько разрушило образ, который я любил, что я поспешил уйти. С тех пор, заходя за книгами, я старался не встречаться с ней глазами.

От таких вроде бы незначительных историй на душе остаются шрамы, как на теле. Иногда чуть заметные, иногда значительные, болезненные.

Я, совсем малышом, участвовал в школьном концерте, читал стихотворение Маршака «Про одного ученика и шесть единиц». Может, от скуки, может всерьез, на меня обратили внимание старшеклассники – юноша и девушка. Девушка руководила хореографическим кружком в дворовом клубе.

Под песню «В серебряном платье березка стоит...» ее девочки плыли по сцене и разводили ручками. Она мне предлагала танцевать вместе с ними. Я представил, как будут веселиться мои одноклассники – и решительно отказался. А юноша, Игнат, подбрасывал меня так высоко, что возникало ощущение полета. Еще серьезно беседовал, как с равным. Я в ожидании своего выхода перебегал от девушки к Игнату, ему это не понравилось.

– Слушай, ты уж выбери, кто твой друг.

Я растерянно переводил взгляд от одного к другой, выбрать не хотелось. Наконец, как в пропасть, шагнул к девушке. Это как-то случайно получилось. Она победно засмеялась, а Игнат отвернулся и с тех пор меня не замечал. Вроде бы ну и что! Он сам был не прав, поставив перед выбором. Но я долго чувствовал себя предателем мужского товарищества. Прошло столько лет, а шрам болит. Почему детство считается беззаботной порой?

Кстати, с тех пор терпеть не могу ультиматумы.

Женщин до конца понять невозможно. Вот Валя – вполне симпатичная бывшая одноклассница, но большое родимое пятно на щеке мешает воспринимать ее больше, чем подружку. Однажды она спросила: «Я хорошая?». От растерянности я долго молчал, потом как бы пошутил: «Нет, ты **ОЧЕНЬ** плохая». Валя с тех пор со мной не разговаривает. А парни бы вместе посмеялись – и все.

Другая бывшая одноклассница, Лиза, повзрослела и подурнела, когда согласилась жить как жена с нашим второгодником. Ну, совсем в тетку какую-то превратилась. А была такая недотрога, с длинной косой. Переросток Серега защищал меня, потому что сидел рядом на контрольных по математике. Приходилось решать два варианта. Однажды разговорились с ним, может ли он убить человека. Серега сказал: «Запросто. Нож входит в тело как в масло». Я поверил, что может. Жутковато. Многие ребята в нашем районе ходят с ножами. Вспомнил строчки из Гарсиа Лорки: «И куда не пойдешь – всюду нож».

Смерть вообще неприятная штука. Бежал человек через дорогу, сбила машина – и это уже просто мешок костей. Смерть вроде игры в офицерскую рулетку: осечка или пуля. Как-то я чуть не нанизал себя, как на шампур, на острый прут забора, когда лез без билета на футбольный матч. Однажды в летнем лагере пришлось плыть, хотя я кое-как умел держаться на воде. Это из-за того, что отец, когда мне было лет шесть, решил учить плавать народным способом: бросил на глубине. Я вместо того, чтобы бороться за жизнь, с испуганной улыбкой пошел на дно. С тех пор тело боится воды, мне больших усилий стоит удерживаться на поверхности. Так вот, в лагере, пока не было взрослых рядом, зато наблюдали девчонки, мальчишки моего отряда решили переплыть речку. Я не мог признаться, что не умею плавать. Вроде противоположный берег недалеко, решил плыть. На сере-

дине почувствовал, что силы оставляют меня. Возвращаться обратно – такое же расстояние. Хотелось крикнуть: «Тону, спасите!» Но не смог. Решил плыть дальше, сколько выдержу. Невероятными усилиями продвинулся еще вперед. Только решил, что буду тонуть, как почувствовал под ногами дно. Обратно побежал через мостик.

Сколько раз я был на волоске от смерти, не сосчитать.

А вот Сашка, мой бывший одноклассник, напился и в темноте не смог выбраться из небольшого болотца в парке культуры и отдыха. Я представил себя на его месте, как теряешь ориентир, кругом вода. Куда идти?.. Его нашли недалеко от берега, поседевшего от страха. Ребята, с которыми он пил, оставили его. Потом поднимали стаканы с дешевой водкой за помин души. И я пил, хотя смотреть на этих пацанов, оставивших приятеля подыхать, было противно. Я не решился сказать им этого, промолчал.

Любовь и смерть – вот, пожалуй, главные проблемы в нашем возрасте. К такому выводу я прихожу. В четырнадцать лет у меня были романтические отношения с взрослой девушкой Натальей, музыкальным работником в лагере. Это на следующий год я еще раз поехал в надежде на любовь старых подруг. Они не обращали на меня внимания, не восхищались моей стройной фигурой, как прежде. Я вытянулся и стал тощий, как узник концлагеря. Наталья обращала, несмотря на разницу в возрасте. У нее были две косы, вью-

щаяся прядь волос на лбу и такая развитая грудь, что хотелось ее потрогать. Наталья играла на баяне и пела красивым грудным голосом. Мне нравилась незнакомая песня «Сплин ты мой милый...» Наталья иногда пела ее специально для меня и играла со мной в любовь. А я ей дарил свои стихи, которые щедро выливались на бумагу. Когда разъезжались по домам, Наталья написала мне записку с адресом и объяснила: «Приходи в субботу, если будет хорошая погода. Родители уедут на дачу». Трусы постирать время было, но случилась другая неприятность. Когда я вышел на улицу, погода была хорошая. Подошел к ее дому – начался дождь. Я не знал, что делать. Успели родители уехать или нет, не известно. Не судьба. Вернулся, написал стихи о пропавшей любви, отослал. Больше не пошел, хоть Наталья младшую сестру ко мне подослала. Та с ухмылкой передала записку. Зря старалась.

3

Мне пришла в голову мысль, что мы постепенно готовим себя к любви, иногда странным образом. Лет в одиннадцать, уж не помню, кто первый, уронил ручку, наклонился за ней, увидел под юбкой девчачьи трусики и сказал: «О-о-о!». Началась эпидемия. Все мальчишки стали ронять линейки, карандаши, учебники. Девчонки оказались беззащитны от нашего любопытства. Мне поручили записывать тех, кто уже осмотрен, чтобы не запутаться. Очередь дошла до учительниц. Ха-ха-ха!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.